

Я развернул коня и поехал во главе войска к границе. Люди, окружившие нас у городских ворот, прошли за отрядом какое-то расстояние, но вскоре остановились. Их плач стал громче — видимо, расставание давалось им слишком тяжело. Я вздохнул: эти воины должны были охранять город, и в обычной ситуации ни за что не покинули бы его. Если бы не вторжение врага и острая нехватка людей, они, скорее всего, и за полжизни не отошли бы от столицы хоть на шаг. Понятно, почему их родные, никогда не думавшие, что их мужья и сыновья покинут дом, так горько рыдают. Но всё же, хорошо, что есть кому проводить — это лучше, чем уходить в неизвестность, когда дома никого не осталось.

В тот миг, когда я обернулся, я увидел в толпе Синжэнь: глаза у него были красные, а на лице читалась неприкрытая тоска. Увидев его, я невольно улыбнулся.

Этот ребенок... когда он успел прибежать? Мог бы остаться дома и как следует присмотреть за Гу Цинхэном. Посмотрите на эти слезы — ну вылитая девчонка! Словно его хозяин, то есть я, уходит навсегда и больше не вернется. Ну и ну... не зря я его баловал.

Сегодня, когда есть кому проводить, на душе тепло. Приятное чувство.

Палящее солнце пекло так, что в висках запульсировала боль. Я уже давно отвык от такого — всё-таки несколько лет провел в праздности, не покидая поместья.

Взглянув на воинов, которые из полных решимости бойцов превратились в завядшие на солнце баклажаны — вялые и лишённые всякого боевого духа, — я снова вздохнул. У меня не было никакой уверенности в том, что эти люди смогут одолеть сотысячную армию врага.

Впрочем, ничего удивительного в таком состоянии солдат не было: они привыкли сидеть в городе и никогда не выходили за его пределы. Сегодня они не только прошли такой путь, но еще и под палящим солнцем. Понять их можно. Нужно будет устроить им тренировки, и если удастся вернуть прежний пыл — я буду доволен. Солдаты как солдаты, обучить их можно, просто дело хлопотное, да и в бою они, пожалуй, будут не так хороши, как прежние.

Мы преодолели тысячу ли, изредка останавливаясь на почтовых станциях, чтобы выпить чаю и передохнуть. Лишь через три-четыре дня непрерывного пути мы наконец добрались до места. Нас встретил генерал Сюй вместе со своим заместителем. Они опустили на одно колено и отдали честь, я помог им подняться и прошел в главный шатер.

— Какова обстановка? — спросил я генерала Сюя, который вошел следом за мной, кивнув на лежащую перед нами карту местности.

— Докладываю, ван: в последнем бою наша армия понесла тяжелые потери. Враг сейчас стоит у границы. По донесениям разведки, они во всеоружии и готовы в любой момент прорвать оборону, — голос генерала был под стать ему самому — прямой и мужественный. Он искренне тревожился за судьбу страны. Дстойный генерал, истинный защитник отечества.

Но что до этих слов... я усмехнулся:

— Ха, какие самоуверенные.

Опустив взгляд на карту, я изучил суровый горный рельеф: идеальное место для обороны, но крайне неудобное для нападения. Если враг прорвет этот рубеж, он сможет беспрепятственно двигаться на север и дойти до самой столицы.

В былые времена я бы полагался на грубую силу и прямо повел бы войско в бой, не ломая голову над стратегиями, как это делает Сыжань. За это он часто называл меня мужланом без капли ума, который надеется только на кулаки. Но сейчас, учитывая разницу в численности наших армий, идти в лобовую атаку было бы верным самоубийством. Придется прибегнуть к хитрости.

Внимательно изучив карту, я вскоре придумал план — если его можно так назвать.

Прищурившись, я указал на две зеленые горные гряды по обе стороны от наших позиций и обратился к двум генералам:

— Генерал Сюй, разделим наши силы на четыре отряда. Ты и твой заместитель возглавите по одному отряду и со скрытыми луками засядете в засаде у этих двух скал. Я возьму на себя два других отряда и приму удар на себя в лобовой атаке. Когда враг нападет, мы застанем его врасплох.

— Слушаюсь, ван! — генерал Сюй отдал честь. Я махнул рукой, разрешая приступить к распределению сил.

Как только мысли немного успокоились, я снова вспомнил о Гу Цинхэне. Как он там? Прошло уже несколько дней, интересно, как его болезнь? Пришлет ли он весточку? Хотя, может, он и не думал мне писать.

Эх, не понять мне этих людей. Сидели бы себе дома, отдыхали, проводили время с семьей, так нет же — им непременно нужно сорваться, затеять войну, захватить страну. Разве не хлопотно?

Пока я сидел на деревянном табурете в шатре, погруженный в свои мысли, вернулся генерал Сюй и правильно отдал честь:

— Докладываю, ван: войска распределены, сейчас они ждут снаружи. Ждем ваших приказов.

— Хорошо. Тогда генерал Сюй с заместителем пусть займут позиции в тех местах, что я указал на карте, — заметив, что генерал выглядит несколько растерянно, я добавил: — Ждите сигнала к атаке.

Генерал Сюй внезапно просиял, понимающе кивнул, еще раз почтительно поклонился и ушел. Я поправил свой боевой доспех: серебряные пластины холодно блестели в лучах солнца, пробивающихся в шатер. На голове до сих пор были украшения, которые заплела мне Фэн Инь — менять их было лень, да и не стоит гневить этого величественного правителя. Но мысли мои все равно были заняты Гу Цинхэном. Скорее бы закончить с этой утомительной войной.

Поправляя доспехи, я всё больше недоумевал: зачем на поле боя носить латы? Тяжелые, неудобные... обычная одежда куда лучше и легче. Эх, поскорее бы всё это закончилось.

Выйдя из шатра, я увидел, что боевой дух воинов значительно возрос, все были готовы к бою. По моему приказу генерал Сюй и его заместитель повели отряды к указанным скалам, а остальные два отряда последовали за мной навстречу самоуверенному врагу, который грозился стереть с лица земли наше Государство Цзин.

С часа Чэнь до часа У — я и мои солдаты прождали целых два часа, прежде чем увидели вражеское войско, лениво выходящее из единственного прохода.

Ха, ну надо же, какой вид — прямо чувствуется непоколебимая уверенность в победе. Интересно, что они запоют, когда потерпят поражение.

Армии встали друг против друга. У врага было более шестидесяти тысяч воинов, у нас — едва набралось три тысячи. Разрыв в двадцать раз. При таком раскладе исход был очевиден, и вражеские солдаты, увидев наше ничтожное число, начали хохотать во весь голос. Вражеский военачальник закричал:

— Сдавайтесь немедленно! Наш ван, возможно, проявит милосердие и пощадит ваши никчемные жизни!

Я безразлично смотрел на этого клоуна. Мои солдаты, видя мое спокойствие, подавили гнев, их лица покраснели от напряжения, но никто не проронил ни слова.

Неплохо. Я прищурился, внутренне выразив одобрение.

Вражеский военачальник, не дождавшись ответа, вышел из себя. Он взмахнул мечом, указывая на меня, и высокомерно бросил:

— Кто здесь главный? Смеешь сразиться со мной?

Испытываешь моё терпение? Забавно...

— Я и есть тот, кто тебе нужен, — я слегка продвинул коня вперед, и тот издал громкое ржание.

Военачальник вытянул шею, внимательно разглядывая меня, а затем вдруг расхохотался. Он снова взмахнул мечом и спрятал его за спину:

— Откуда взялась эта девица, переодетая в мужчину? Неужели в Государстве Цзин совсем не осталось мужчин? Ха! А девица-то недурна! Лучше сдавайся по-хорошему, пойдешь к моему генералу рожать толстых сыновей, а? Ха-ха! — он говорил так, словно был обычным горным разбойником, перекусывающим в придорожной чайной. Зрелище было донельзя смехотворным.

Не успел он закончить, как вражеское войско покатилося со смеху, чуть не падая с лошадей.

Девица...

Я с трудом сдержал желание прикончить его на месте и потер пульсирующий висок. У этого человека что, проблемы со слухом или со зрением?

Я холодно хмыкнул и, не произнося ни слова, подал знак рукой. Тысячи стрел одновременно взметнулись в небо, застав врасплох вражеское войско, у которого не было путей к отступлению.

Хм, вот и цена за вторжение на наши земли.

В мгновение ока больше половины врагов были перебиты. Вражеский военачальник получил два ранения в грудь, вытер кровь с губ и вперил в меня яростный взгляд:

— Подлый трус!

Я криво усмехнулся:

— Должно быть, ты слышал выражение: на войне все средства хороши.

От этих слов военачальник лишился дара речи. Он вырвал стрелы из груди, не обращая внимания на хлещущую кровь, издал дикий рев и бросился на меня с огромным тесаком.

Неплохо, есть стержень. Но в нынешней ситуации сражаться со мной — всё равно что бить яйцом о скалу.

Я направил коня навстречу, выхватил меч и через пару приемов отсек голову вражескому военачальнику. Горячая кровь брызнула мне на одежду. Я поморщился: хотя я и люблю чистый красный цвет, но эта кровь лишь испачкала меня, и это было совсем не то, что доставляет удовольствие.

Держа отрубленную голову в руке, я провозгласил:

— Ваш военачальник мертв. Если сдадитесь сейчас, я пощажу ваши жизни.

Раненые солдаты притихли, их лица выражали ужас. Оглянувшись по сторонам, они побросали оружие и сдались.

Под ликующие крики наших воинов битва завершилась полной победой.

Когда мы вернулись в лагерь с пленными остатками вражеской армии, я бросил голову на землю и, усмехнувшись, поехал следом за солдатами.

Испокон веков те, кто недооценивал врага, плохо кончали. Неужели этот идиот не усвоил такую простую истину?

Пока мы ждали официального письма о капитуляции, я не мог вернуться в столицу. Но спустя месяц меня ждала приятная новость: пришло письмо от Гу Цинхэна. Он писал, что его болезнь отступила, просил не волноваться за него и не отвлекаться на поле боя, чтобы ненароком не получить ранение.

Смотрите, какой же он заботливый, мой Гу Цинхэн. Пожалуй, мне стоит отбросить прежние мысли, да и все те планы — остановить.

Пока я глупо улыбался, перечитывая письмо — его изящный почерк был так же прекрасен, как и он сам, — в шатер постучали.

— Ван, снаружи человек просит аудиенции. Говорит, что он — названный брат вана. Я лениво опустил письмо, которое только что держал в руках, и нахмурился. Названный младший брат... э-э... с каких это пор у меня появился названный младший брат?

— Позволь... — начал я, собираясь велеть ему войти.

Однако договорить мне не удалось. Дверь распахнулась, и в палатку ворвался человек, чьи восторженные возгласы напрочь перебили мои слова:

— Бра-а-атик!

Вместе с этим возгласом последовало и привычное действие: человек, совсем как Синжэнь, тут же повис у меня на поясе. Я приложил руку ко лбу. Этот знакомый голос и донельзя раздражающая манера поведения — несомненно, передо мной был Мужун Син.

Не успел я отцепить его от себя, как он сам отстранился, толкнув меня в плечи. Потирая собственную грудь, он посмотрел на меня с обидой:

— Ой! Братик, ты что, из камня сделан? Хочешь отбить мне все ребра? Даже если и так, не обязательно же носить на себе эту жесткую железку! И вообще, с чего это ты вдруг решил сменить имидж?

А ты думаешь, мне самому этого хочется? С каких пор военачальники в военном лагере позволяют себе ходить без доспехов?

Я нахмурился и снова помассировал виски:

— Мужун Син, ты закончил обучение? Почему вернулся так рано?

Надо сказать, что этот Мужун Син — мой названный младший брат. Он привязался ко мне еще в те времена, когда мы со Сыжанем скитались по миру. Как я ни пытался от него отделаться, ничего не выходило. В конечном итоге Сыжань лишь беспомощно вздохнул, и мне пришлось смириться с судьбой. Мужун Син околачивался с нами пару лет, пока внезапно не осознал, что, кроме навыков маскировки, ни в чем не преуспел. Особенно плохо дело обстояло с боевыми искусствами — его уровень был настолько низким, что даже жалким не назовешь. Он прощался с нами, обливаясь слезами и соплями, и напоследок даже сбегал к перекрестку, чтобы купить несколько гроздьев леденцов на палочке и сунуть их в руки Фэн Иню. Позже, неведомо каким образом, он выследил некоего отшельника, проявил чудеса настойчивости и вынудил того взять себя в ученики. С тех пор он ушел в горы и несколько лет практиковался там. Сейчас он сильно изменился: стал выглядеть на двадцать с небольшим, облачился в белоснежные одежды, закрепил волосы изящным заколкой из белого нефрита, а его черты лица — тонкие брови и яркие глаза — могли бы сделать его настоящим красавцем, если бы не эти вечно поджатые губы и обиженный взгляд.

— Братик, не будь таким холодным. Я же твой Сяо Син, так звучит куда роднее, — проворчал он с недовольством, пока солдаты, стоявшие у входа, выходили из палатки, чтобы нести караул наружу.

— Э-э... А когда это я называл тебя Сяо Сином? — я снова помассировал лоб и сел на деревянный стул. Мужун Син без всякого стеснения придвинул еще один табурет и уселся рядом.

— Ой, да какая разница, братик... Изначально мне не положено было спускаться с гор, но... эх, — Мужун Син сделал драматическую паузу, мастерски подогревая интерес.

Я налил чашку чая, который заварил от нечего делать, и, глядя, как тонкая струйка пара скользит мимо моих губ, безразлично спросил:

— Ты снова влип в неприятности? Неужели успел прогневать учителя?

— Ой-ой-ой, братик, какой же ты догадливый! Я действительно совершил то, чего делать не следовало, вот и сбежал, — со вздохом Мужун Син без зазрения совести перехватил мою чашку с чаем, которую я не успел даже пригубить. Он небрежно отогнал плавающие чайники крышкой и осушил всё до дна. Я молча наблюдал за ним, а он, ничуть не смутившись, довольно ухмыльнулся и протянул пустую чашку мне: — Братик, твой чай просто бесподобен. Налей еще, я умираю от жажды.

Я на секунду опешил. Он что, решил, что я тут работаю прислугой в чайной? Впрочем, мне было любопытно: как он вообще узнал, что чай заварил я? Ладно, неважно. В конце концов, мы не виделись несколько лет, пусть развлекается.

Я выполнил его просьбу и снова наполнил чашку. Он принял её и, запрокинув голову, залпом выпил больше половины, после чего негромко произнес:

— Всё было так: в тот вечер я тайком спустился в городок у подножия горы, чтобы купить вина. Напился до беспамятства, а вернувшись в хижину, принял учителя за Фэн Иня и укусил его за губы. Мне это показалось забавным, я добавил еще... а потом... а потом, когда протрезвел, понял, что перепутал учителя с Фэн Инем и... ну, переспал с ним... Но клянусь, на мне всё еще была одежда! Правда! И еще клянусь, что люблю Фэн Иня — ты же знаешь, братик! В этой жизни я женюсь только на нем!

Моя рука, державшая чайник, дрогнула, и кипяток едва не выплеснулся мне на колени. Если я правильно понял, под Фэн Инем он имел в виду Фэн Иня. Но это... — И с каких пор ты влюбился... э-э... в Фэн Иня? Почему я этого не заметил?

Мужун Син посмотрел на меня с таким видом, будто предвидел этот вопрос:

— Это потому, что ты, братик, слишком медленно соображаешь. Ты думаешь только о Сы Жане, и всё остальное тебя не заботит. Конечно, ты не заметил. Даже Сы Жань это понял, представляешь?

Э-э... неужели всё так и есть?

Однако, спутать учителя с Фэн Инем... — А твой учитель — мужчина или женщина?

— Разумеется, мужчина!

Мужун Син ответил так, будто это было само собой разумеющееся. В душе я выдохнул — всё встало на свои места. Мужчина, ну тогда понятно.

Хотя... я, кажется, что-то упустил.

— Ты сказал, что любишь...! — непонятно почему, у меня на душе стало как-то беспокойно.

Мягкий, изящный Фэн Инь... Эх, наверное, я зря накручиваю себя. Фэн Инь не имеет ко мне особого отношения.

— Да, я влюбился в него с первой же встречи, поэтому и привязался с просьбами обучить меня маскировке. Кто же знал, что он такой холодный? Сердце разбито, — Мужун Син снова надул губы, и его тон вновь стал обиженным.

Вот оно что. Теперь всё встало на свои места.

Вот только я забыл спросить, достиг ли он своей цели...

— После той ночи учитель вдруг перестал быть холодным и стал таким нежным, будто подменили. А несколько дней назад он наконец выложил карты на стол: потребовал, чтобы я никогда не покидал его и провел с ним всю жизнь! Но что же делать с моим Фэн Инем? Вот я и сбежал, пока он спал! — сказал Мужун Син с таким нервным видом, будто всё еще переживал тот момент побега.

— А что ты будешь делать, если учитель придет за тобой? — я приподнял бровь и бросил эту фразу невзначай, собираясь спрятать письмо от Гу Цинхэна в рукав. Но Мужун Син заметил его, впился в бумагу любопытным взглядом и, не говоря ни слова, выхватил её у меня из рук.

Прочитав содержимое, он расплылся в улыбке и захихикал:

— Братик, а кто такой Гу Цинхэн? И еще... где Сы Жань? Почему я его до сих пор не видел?

Сыжань...

Я нахмурился, лицо моё помрачнело. Глядя на Мужун Сина, который прекрасно знал, о ком спрашивает, я отрезал:

— Мужун Син, долго ты еще собираешься валять дурака?

Он на секунду замер, а потом рассмеялся еще залиvistее:

— Братик, я уж было подумал, что ты забыл. Но раз помнишь — значит, всё хорошо... — Внезапно его улыбка погасла. Его красивое лицо стало серьезным. Оглядевшись по сторонам, он прошептал: — Братик, когда мы приступим к плану?

План...

Я нахмурился, но тут же расслабился. Раз уж есть Гу Цинхэн, и я обещал ему оставить

прошлое в прошлом, значит:

— Никакого плана больше не будет.

Мужун Син опешил. Его зрачки расширились, на лице отразилось полное недоверие. Он с такой силой ударил по столу, что чашка с остатками чая подпрыгнула и едва не свалилась на пол.

— Что ты сказал?! Братик, ты забыл обо всех страданиях, через которые мы прошли?! — он швырнул письмо на стол с такой яростью, будто хотел разнести этот стол в щепки. — Это из-за Гу Цинхэна?! Ты же знаешь, чего он хочет! Он хочет твоей смерти, а ты его защищаешь! Нет, я пойду и убью его! Месть за Сы Жаня должна свершиться!

— Попробуй только! — я впился в него тяжелым взглядом, и слова, казалось, вырывались прямо из глотки, леденя всё вокруг.

— А вот и попробую! — Мужун Син завелся не на шутку. Он уставился на меня своими угольно-черными глазами, стиснув зубы, готовый противостоять мне до конца. — Месть за Сы Жаня нельзя откладывать, братик... — его голос дрогнул, он опустил голову, глаза покраснели от нескрываемого отчаяния.

Спустя минуту я тяжело вздохнул:

— Забудь... Всё... в прошлом.

Как только я это произнес, Мужун Син поднял голову, посмотрел на меня с невыразимым удивлением, а затем, сжав зубы, отвесил мне звонкую пощечину. Кажется, он вложил в удар внутреннюю энергию — щека горела огнем.

— Ты не мой братик! У меня нет такого брата, как ты! — прорычал он и, взмахнув рукавами, вылетел из палатки.

Я смотрел на его удаляющуюся, кипящую от гнева спину, коснулся пылающей щеки и опустил взгляд, тяжело вздохнув.

Ну почему... почему все так любят бить по лицу?

Этот мальчишка всегда был таким: любил рубить с плеча, не заботясь о чувствах других.

Я устал. Я просто хочу прожить жизнь с Гу Цинхэном, неважно, что у него на уме. Я не хочу больше продолжать те старые планы. Это слишком тяжело, я уже задыхаюсь под этим грузом. Дайте мне хоть немного передохнуть... разве это плохо?

Боясь, что Мужун Син сгоряча решит воплотить свои угрозы в жизнь и действительно нападет на Гу Цинхэна, я задействовал силы, которыми не пользовался уже давно — моих старых верных людей из мира цзянху. После событий со Сыжанем их осталось меньше десяти, но их вполне хватило бы, чтобы обеспечить Гу Цинхэну полную безопасность.

<http://bllate.org/book/21938/2279252>